

Судьбы послевоенного государства. Перерождение буржуазного государства, вырождение буржуазной демократии¹⁾.

Отсутствие всякой «застойности» (в стиле и смысле тех периодов реакции, которые в предыдущие исторические эпохи сменяли половинчатые революции), «движение почвы» мы наблюдаем не только в материальной, т.-е. хозяйственной базе современных капиталистических обществ, не только во всей системе их международных отношений, но и во всей их государственной надстройке, область, пожалуй, не привлекавшая к себе всего того внимания, которого она заслуживает. Между тем, и в этой области капиталистического быта—если и отвлечься от таких ярких, бурных и театральных проявлений, какими явились фашистские перевороты, происшедшие в отдельных странах—протекает отнюдь не менее глубокий, не менее поучительный процесс, постепенно, но достаточно быстро меняющий структуру современного капиталистического государства, процесс, без осознания и изучения которого трудно уяснить себе с надлежащей полнотой как пути развития и распада капитализма нашего времени, всю раз'едающую его внутреннюю диалектику, так и некоторые существеннейшие истоки современного реформистского сверхприспособленчества. Только поверхностному, филистерскому воображению реформистов могло представляться, что водворение широкой формальной демократии при одновременном восстановлении капиталистического хозяйства и «нормальных» международных связей с добавлением кое-какого либерализма (вынужденного или добровольного) в сфере социального законодательства и оплаты труда—в общем и целом должно будет создать прочную, незыблемую основу, железные исторические рамки, в которых будет протекать все позднейшее историческое развитие. Эти господа не заметили, что и сама-то основа, на которой они будто бы собирались строить здание будущего, стала в высокой степени подвижной, что и она вместе со всем капиталистическим миром переживает глубокую и разностороннюю эволюцию, постепенно создавая положение, с которым не может мириться ни пролетариат, ни—в известном смысле—буржуазия.

Развитие, о котором мы говорим,—перерождение современного «демократического» государства—явление глубоко диалектическое, насквозь внутренне противоречивое. Центральный факт в этой области,—чтобы сразу сказать основное—тот, что значение, удельный вес государственного аппарата вырастает буквально с каждым днем, «демократия» же, наоборот,

¹⁾ Статья представляет собой набросок главы из брошюры, подготовляемой автором к печати.

все более атрофируется, выветривается, испаряется, во всяком случае вырождается. В одном случае мы можем говорить о переросте, о перерождении, в другом о вырождении. Государство идет в некотором смысле в гору, демократия—под гору. Тогда как аппарат капиталистического государства развивается все мощнее, переплетаясь, срастаясь все неразрывнее со всеми основными и подчиненными органами хозяйственного организма (так что не отличишь, где «база», где «надстройка»), то поглощая целые отрасли, целые крупные куски капиталистического хозяйства и превращаясь в крупнейший основной «регулирующий» орган капитализма, то, наоборот, подчиняясь, как никогда, натиску высочайше организованной частнокапиталистической стихии (развитие и тут глубоко-противоречивое!),—в то самое время демократическая оболочка этого государства либо просто и жалко отпадает (случаи фашистских переворотов), либо вырождается в переносном и даже в буквальном смысле (падение парламентаризма). При чем отдельные части, отдельные клетки этой оболочки (выборное начало) могут даже еще продолжать развиваться, расти вширь, значение их может даже возрастать по сравнению с значением других частей, других клеток демократической оболочки («народных представительств»), но и эти процессы, происходящие в нутри самой оболочки, эти отдельные дальнейшие успехи формальной демократии уже не в состоянии задержать процесса перерождения всего механизма «демократического» государства и даже отчасти, как увидим, только способствуют эволюции этого государства, т.-е. всей современной буржуазной «демократии», в сторону своеобразной «сословности» на фоне высочайше развитого, но бьющегося о неодолимые преграды капитализма.

Начнем с первого, т.-е. с явлений перерождения государства. Затем перейдем к вопросу о судьбах его демократической оболочки.

1. Рост экономической и социальной мощи современного капиталистического государства.

Если еще эпоху мировой войны Ленин характеризовал, как «эпоху перерастания монополистического капитализма в государственномонополистический капитализм» («Государство и революция». I изд., стр. 33. Разрядка наша), то в применении к нашему времени эти слова Ленина стали сугубо верны.

Влияние современной государственной машины на всю хозяйственную жизнь и косвенно и прямо и на весь жизненный уровень масс возросло в степени, о которой буквально не снилось довоенным буржуазным философам. Когда во время войны государство было вынуждено так или иначе забрать все в свои руки, то могло казаться, что этот эфемеризм государственных функций является чисто преходящим явлением; и, как известно, после окончания войны скоро наступило время, когда с немалой силой был провозглашен лозунг: назад к частной инициативе, назад к «нормальному» капитализму. Но в том-то и дело, что история чистого «назад» не знает, что возвращение к «нормальному» капитализму предвоенного типа оказалось реакционной манчестерской утопией. Многие, даже очень многое от чисто военного государственного капитализма было устранено. Но от него осталось в разных формах больше, чем того хотели и ждали глашатаи «чистого» капитализма. Воздействие государственного аппарата на всю экономику пробило себе прочно и более общие и сложные и новые пути. Здесь, в этом кратком очерке, было бы трудно проследить все разветвления этих путей. Быть может, в другом месте нам удастся заняться этим посolidнее. Здесь отметим

важнейшее. В центре всего явления—необычный и разносторонний рост экономической мощи государства. Этот рост проявляется прямо и косвенно. Рассмотрим кратко основные моменты этого процесса.

а) Рост доли национального дохода, канализуемого государством.

Уже достаточно сравнить предвоенные бюджеты с послевоенными, чтобы констатировать, что через руки государства проходят несравненно большие доли национального дохода, чем до войны. Громадный рост доходов и расходов послевоенного государства—факт общеизвестный. До войны бюджет Англии не составлял и 200 млн. фунтов, в настоящее время он менее далек от 800 млн. фунтов; бюджет Соед. Штатов Сев. Америки составлял в 1913 г. 734 млн. долларов (в круглых цифрах), ныне 3.772 млн. Бюджет Швеции составлял 261 млн. крон, ныне 697 млн. крон и т. д. Доходы Германии (со включением союзных стран, коммун и т. п.) исчислялись в 1913 г. цифрой 2 млрд. марок. В наше время сумма поступлений исчисляется цифрой в 10 миллиардов. Даже если сделать обычную поправку на падение ценности золота, то рост получится, хотя и неравномерный по странам, но все же громадный, и максимальный в англо-саксонских странах.

В авторитетнейших источниках мы можем найти для Англии утверждение, что бюджет поглощает свыше 20% (тогда, как до войны он поглощал немногим больше 10%)¹⁾. Таким образом, в этой старейшей и мощнейшей капиталистической стране из года в год только через канал податей и всяких других поступлений через руки государства проходит целая пятая часть национального дохода.

Более или менее аналогичные цифры приводят и для других стран: около 20% для Франции, свыше 19% для Италии, 17% для Бельгии и т. п.²⁾. Программная записка германских промышленников называет для Германии даже цифру 25 до 30%, которую, конечно, следует считать весьма преувеличенной³⁾.

С этим связан, конечно, рост той доли дохода, которую отнимает государство в той или иной форме у облагаемых слоев населения. Союз германской промышленности высчитал, что целых 63% прибылей промышленности уходят на уплату всякого вида обложений. Пусть эта цифра—в чем вряд ли можно сомневаться—пропагандистски преувеличена, сам факт колоссального роста податных тягот всякого вида (государственных и местных) не подлежит сомнению. Но факт этот обозначает собою необычайный рост непосредственной экономической мощи государства и значительное изменение механизма распределения «национального дохода»: в этом механизме роль и значение государства существенно выросли.

б) Госкапитализм (в узком смысле слова).

Но податной насос является только одним из источников роста экономической мощи государства. Одновременно значительно выросли, хотя и далеко не с той же равномерностью, роль и значение государства, как предпринимателя.

¹⁾ A. L. Bowley and Siv. Y. Stamp. «The National Income». Oxford. 1927, стр. 53.—Britains Industrial Future. (Доклад либеральной комиссии). Стр. 486.

²⁾ The Inter-Ally Debts and the United States. National-Industriale Conference Board. N. Y. 1925. Стр. 275.

³⁾ Deutsche Wirtschaft und Finanzpolitik Veröffentlichte. d. Reichverbandes d. deutschen Industrie. 1925.

Если уже до войны капиталистическое государство в ряде стран превратилось в крупное и даже крупнейшее предпринимателя, если война, как известно, дала необычайно сильный толчок этому развитию, то после войны этот процесс отнюдь не прекратился. Мы здесь, без всякого сомнения, имеем перед собою явление значительного и непреходящего развития своеобразного государственного капитализма. Так именно расценивают и именуют это явление и частно-капиталистические круги, в большинстве случаев относящиеся крайне враждебно к этой новой форме капитализма. Хотя в своей вражде к этим новым хозяйственным формам они и склонны рассматривать и выдавать их, как легкомысленное и вреднейшее осуществление «сверху» и по частям социализма (в этом смысле они говорят о «холодной социализации»: «Kalte Sozialisierung», мы бы сказали по-русски «сухой социализации», т. е. социализации без революции, без кровавого переворота), все же круги эти определенно отдают себе отчет в том, что они имеют здесь дело с высоким развитием специфической хозяйственной формы—госкапитализма. В сугубо-капиталистическом, «тяжелоиндустриальном», экономическом ежегоднике, отражающем в чистейшей форме, не процеженной через профессорский фильтр, взгляды и пожелания верхушечного трестированного капитала, читаем: «Государство взяло на себя новые функции и вступило в новое соотношение к хозяйству. Даже и отвлекаясь от расширения его регулирующей деятельности по отношению к хозяйству, нужно констатировать, что и сверх того оно само стало капиталистом-предпринимателем с помощью общественных средств, чтобы дела делать, перехватывать у частных элементов их хозяйственные функции, выступать по отношению к последним конкурентом, либо же под предлогом выполнения срочных задач попечительного и благотворительного характера». «Мы имеем здесь дело не с социализмом в марксовском смысле, как с непосредственным обобществлением, экспроприацией, но с новой формой государственного капитализма»¹⁾.

При чем это широкое развитие как регулирующей роли государства, так и его непосредственных предпринимательских функций²⁾ отнюдь не является преходящим, случайно-историческим продуктом военной необходимости, но глубоко неразрывно связано с тем безысходным состоянием неравновесия и хронической кризистности, в которое бесповоротно вступила капиталистическая система с ее растущей неспособностью справиться с провоздвигавшимися хозяйственными и социальными трудностями «собственными силами», как и со всеми теми громаднейшими противоречиями, которые с неслыханною силою воignаны внутрь всего хозяйственного и всего политического организма капиталистической современности мировой войною и последующим революционным и полуреволюционным развитием. Этим и объясняется, почему признаки развития этих госкапиталистических тенденций мы всего более находим в странах, в которых капиталистическая система пережила относительно максимальные потрясения (Германия и отчасти Англия), и наоборот констатируем более слабое развитие этих тенденций в странах, в которых вся система вышла менее потрясенной из войны и последовавшего за ней революционного периода (Франция и Соед. Штаты). Исто-

¹⁾ Wirtschafts-Jahrbuch für das niederrh.-westfäl. Industriegebiet. 1927 г., стр. 177.

²⁾ Обособление отдельных предприятий в псевдосамостоятельные хозяйственные единицы, работающие «на хозрасчете», тут, конечно, существа дела не меняет.

рическую неизбежность процесса (при всей его географической неравномерности, при всех зигзагах, противоречиях и упрямых рецидивах старины), быть может, ярче всего иллюстрирует тот факт, что в классической стране индивидуализма, Англии, последнее «прости» менчестеризму производят как раз последние его эпигоны, последние потомки вигов, либералы. И по настоящей иронии судьбы новейший, нашумевший документ либерального творчества, известный программный меморандум о «Промышленном будущем Британии», тщательно разработанный при участии всех либеральных светил: редактора Фритредерского «Экономиста» Лейтона, Кейнса, Филиппа Керра, сэра Херберта Сэмюэля, Ллойд-Джорджа и т. п., и произведший некоторый переполох как в рядах консервативной, так и рабочей партии—в основном сводится к программе широчайшего и разностороннего усиления вмешательства государства в экономическую жизнь¹⁾.

О росте регулирующих функций государства мы будем говорить ниже. Пока нас интересуют факты роста непосредственной экономической мощи государства, государства — предпринимателя и банкира. Без сомнения, в этой области налицо громадная неравномерность развития. В настоящий момент классическая страна развития предпринимательских функций публичных органов (государства, коммун) — Германия (которая и до войны опередила в этом отношении другие государства). Целый ряд глубоких исторических причин способствовал тому, что и прежде и теперь это явление (в его новых и старых формах) выступает несравненно слабее в других странах. Но не забудем, что Германия является не только страной, пережившей максимальные потрясения, но вместе с тем и страной самого передового капитализма в Европе и что родственные явления мы наблюдаем в той или иной степени в других странах.

Быть может, менее всего в Соед. Штатах: но о нарастании той же «опасности» и в этой стране свидетельствует сила капиталистической пропаганды против всей системы идей «национализации», «патернализма» и т. п. Соответствующая американская литература дала даже своеобразный «стандарт-уорк» в этой области: книгу Марка Л. Река об «Отношении между государством и индустрией»²⁾. В этой «литературе» в отличие от немецкой или английской всякий госкапитализм еще добродушно смешивается просто с социализмом и даже большевизмом, хозяйственное «банкротство» которого приводится обязательно как классический аргумент против всякой непосредственной хозяйственной деятельности государства.

Но не говоря о том, что в отдельных областях (прежде всего в вопросе о торговом флоте, где как раз проявляются современнейшие интересы американского империализма³⁾), после всяких опытов и колебаний мысль о непосредственном почине и деятельности государства не перестает навешать

¹⁾ Авторы либерального меморандума, быть может, и не заметили того, что предписанной осуществления столь широкой, по своему «революционной» программы должно было быть в английских условиях возникновение какого-то сверххристианского, сверххристианского правительства, какого-нибудь фашистского или полуфашистского правительства, которое, насилью спасая капитализм против его собственной беспомощности, разброда и рутины, вместе с тем придало бы этому процессу «общественного спасения» социальное-цезаристский оттенок: мы имеем здесь, т. о., пред собою неосознанную мечту либерализма о—фашизме...

²⁾ Mark L. Requa. «The relation of Government to Industry». New-York. 1925.

³⁾ «Мерчент Мэри акт» 1920 г. предусматривает субвенцию в 125 млн. долл. на постройку торгового флота. В 1924 г. был принят закон, полномочивающий Шиппинг Бординг израсходовать вплоть до 25 млн. долл. специально на установку дизелей в уже существующих судах и т. п. Но все эти мероприятия пока не оправдали ожиданий, и по сведениям правительственные круги помышляют о создании государственного торгового флота (специально для рейсов между Соед. Штатами и Индией—с явной целью торгового соперничества с Англией в этой богатейшей британской колонии).

правящих республиканцев,—не говоря уже об этом, отметим, что, во-первых, нигде «сращение» трестированного капитала с правительственным аппаратом не достигло таких размеров, как именно в С. Штатах, что является только другой формой по сути того же процесса («хозяйство» поглощает и опутывает «государство» больше, чем оно поглощается государством). Заметим, во-вторых, что ни в какой другой стране мы не встречаем таких колоссальных схем непосредственного вмешательства государства в хозяйственную жизнь, как напр., известный законопроект Мак Нэри-Хауген, отстаиваемый представителями аграрных интересов, нигде регулирование экономической жизни не достигло столь быстро громадных размеров, хотя и протекая согласно со всей конвенциональной американской экономической и государственной доктриной более всего в форме того, что в внешне-политической практике Штатов получило благозвучное наименование «обязывающих внушений». Все эти факты в значительной степени «компенсируют» собою отсутствующие формы высоко развитого государственного капитализма в узком смысле слова.

Другого типа «компенсации» мы можем наблюдать в Англии, — явление, невозможное для бесколониальных стран, как Германия: это — непосредственнейшее регулирование важнейших отраслей колониального сырьевого производства и прямое участие государства в крупнейших колониальных предприятиях. Примером первого может служить контингентирование производства каучука, примером второго—решающее участие государства в таком колоссальном нефтяном предприятии, как Англо-Персид. В ответ на запрос в парламенте в марте 1920 г. сэр Гринвуд ответил, согласно официальному отчету, что «государство является господствующим интересом в Англо-Персидской компании, владея двумя третями акций помимо облигаций». Конечно, «государство не вмешивается в коммерческий распорядок компании и не станет вмешиваться, разве если бы, что разумеется никогда не случится, эти распоряжки очутились в противоречии с интересами Британской Империи... Этот общеизвестный (хотя почему-то не упоминаемый либеральным меморандумом) факт теснейшего «сращения» государства с самым боевым, нефтяным, капиталом представляет собой, без сомнения, образец доподлиннейшего «госкапитализма».

Авторы либерального меморандума, пытаясь провести точный подсчет всем «публичным концернам» (к которым меморандумом отнесены не только предприятия и всякого вида имущество государства и органов самоуправления, но и все виды предприятий с ограниченной частнохозяйственной инициативой: стало быть, рядом с предприятиями военного министерства, доками, портовыми учреждениями, системой путей сухопутных и водных и т. п., также и всякого вида кооперативные общества, концессионированные парламентами актами общества по снабжению водою, газом, электричеством, железные дороги, имущество университетов, школ, благотворительных предприятий и т. п.),—поражены сами достигнутыми т. о. результатами.

Представляя каталог «разного типа обобществленных, полуобобществленных и других регулируемых государством предприятий», авторы меморандума предупреждают: «мы думаем, большинство читателей будет изумлено величиною, значительностью и пропорцией той доли всего национального капитала, которая уже контролируется этими предприятиями» (стр. 66). Общую сумму этой доли определяет меморандум в 4 миллиарда фунтов и приходит к выводу, что в этой цифре представлено «по меньшей мере 2/3 того, что можно было бы назвать крупными предприятиями («large scale undertakings») страны» (стр. 74—5).

Либеральный «каталог» составлен, как видим, весьма «либерально», т. е. широко: слишком очевидно, что имущество школ, университетов, благо-

творительных учреждений и даже коопераций и т. п. не играет той роли в общей системе национального хозяйства, что крупнопромышленные фабричные предприятия, и что тут попали в общий котел слишком разнородные величины; как ясно и то, что терминология «обобществление» и «полубообществление» здесь употреблена более чем вольно. Меморандум обнимает все перечисленные явления развития публично-правовой собственности и регулирующего контроля термином «государственный социализм». Гораздо точнее, конечно, было бы говорить о «государственном капитализме», и с развитием этого-то явления в разной форме—как в форме роста непосредственно предпринимательских функций государства и органов самоуправления, так и переплетания самых разнообразных видов регулирования и контроля, смешанного управления и т. п. — мы здесь, без сомнения, имеем дело. Некоторые из «общественных предприятий» (в точном смысле этого слова) представляют собой и в Англии колоссальные хозяйственные единицы. Только 20 из общего числа 177 портовых учреждений, управляемых самостоятельными органами не на началах прибыльности, представляют собой капитал приблизительно в миллиард рублей (100 милл. фунтов). Метрополитен Уотер Бордин погашает из поступлений капитал в 53 милл. фунтов и т. п.

Особую главу представляет собою в этой области строительство жилых помещений при финансовом участии государства и органов самоуправления. Это строительство не только в Германии, но и в Англии достигло небывалых размеров. За последние несколько лет выстроено было в Англии около миллиона новых жилых построек, из чего приблизительно половина при участии государства. Только в одном прошлом году было выстроено по официальным данным свыше четверти миллиона новых домов (272.000), из чего 153.779 при участии государства¹⁾. Но в еще гораздо большей степени, чем в Англии, строительство перешло в Германии в руки публично-правовых органов. Значение этого одного факта просто огромно. «Годичный оборот немецкого строительного промысла, — пишет Г. Штольпер²⁾ — достигал до войны цифры 6 миллиардов марок, из чего почти половина уходила на постройку жилых помещений. И преобладающая доля промышленных построек входит ныне наверно в сферу деятельности публично-правовых органов (электрические, газовые и т. п. предприятия). Это нам дает представление о том, что обозначает собою подчинение строительной деятельности общественно-хозяйственному влиянию. Одно это обозначает распоряжение одной восьмой частью национального дохода».

Менее всего проникли публично-правовые органы в Англии (в отличие от Германии) непосредственно в сферу банковской деятельности. Но тем характернее, что достаточно было успешной деятельности сберегательного банка, основанного в 1919 г. городом Бирмингемом, чтобы вызвать значительную враждебность заинтересованных кругов к муниципальным банкам. Назначенный в 1926 г. казначейством Комитет для исследования вопроса с лордом Бредбэри во главе, как и следовало ожидать, высказался решительно против муниципальных банков, как представляющих настоящую опасность для национального кредита.

¹⁾ Точные данные о жилых постройках, воздвигнутых с помощью государства (в круглых цифрах): в 1919 (строительном) году—715, 1920 г.—28.000, 1922 г.—101.000, 1923 г.—67.000, 1924 г.—18.000, 1925 г.—67.000, 1926 г.—106.000, 1927 г.—153.000 («Таймс», 10 ноября 1927 г.).

²⁾ «Das deutsche Wirtschaftsproblem», 1918 г., стр. 20—21.—Согласно английской либеральной записке английские «Строительные общества», работающие еще на основе старых, довоенных законов, обращают около 10% общей суммы национальных сбережений.

Все же настоящим отечеством государственного капитализма в его непосредственной форме (предпринимательской деятельности государства) остается Германия: точно так же, как нигде мы не наблюдаем столь развитой и громко выступающей враждебности против всякого расширения хозяйственных функций государства и органов самоуправления, как во Франции, где централизованное государство, представляемое всеисильной бюрократией, давно задавило развитие современного местного самоуправления, чтобы самому тем основательнее ступать перед наглými притязаниями «частной инициативы», выступавшей после войны во всеоружии организованности и перехватившей у государства полударом колоссальные богатства «воссо-единенной» Лотарингии. Наоборот, в Германии капиталистическая деятельность государства с самого момента восстановления хозяйства после инфляционной катастрофы разрастается. «Мы видим с половины 1924 г. сильный прирост публично-правовых и полупублично-правовых хозяйственных предприятий. Эти предприятия охватывают все области хозяйственной деятельности: производство товаров и распределение, банковое дело и транспорт»¹⁾.

Перечисление даже более крупных предприятий, находящихся полностью или частично в руках государства («Райха» и союзных государств)—уже не говоря о городах—заняло бы здесь слишком много места. Весь соответствующий фактический материал подобран представителями частных крупнокапиталистических интересов Зогемайром в посвященном этому вопросу труде и Ютзи в докладе о «Государственном социализме и частном хозяйстве», заслушанном на заседании главной комиссии союза германских промышленников²⁾. Пользуясь собранным в упомянутых работах материалом, укажем здесь только на основные факты. Итак, одно прусское государство владеет в общей сложности 31 рудниками и металлургическими заводами (в том числе угольными, железными серебряными, калиевыми копями, и т. п.). Следуя современным хозяйственным методам, в 1923 г. государство объединяет большинство разнородных предприятий в отдельную акционерную компанию (сокращено «Preussag»), которая в первом же году своего существования выплачивает в государственную кассу 1 млн. дохода. Невомедленные в состав «Preussag'a» предприятия объединены были впоследствии в другую акционерную компанию (т. н. Recklinghauser Bergwerksgesellschaft) с акционерным капиталом (находящимся полностью в руках государства) в 57 млн. марок и громадную земельную собственность, превышающей 20 тысяч гектаров. Наконец, третье громадное предприятие прусского государства — Hibernia Bergwerksgesellschaft — располагает также акционерным капиталом в 56 млн. марок. О величине же этих предприятий свидетельствует тот факт, что обе последние акционерные компании располагают в угольном синдикате квотой в 12.833.000 тонн. Следуя и здесь классическим частнокапиталистическим прецедентам, прусское государство совместно с общесоюзным государством пользуется впоследствии трудностями, в которых очутился известный концерн Штумма, чтобы обеспечить себе опцию на принадлежащие к концерну громадные рудники. И точно так же Пруссия пользуется крахом концерна Штиннеса, чтобы закрепить за собою 12 млн. акций крупнейшего электрического предприятия всей Западной Германии «Рейнско-Вестфальских электрических заводов». Попытка таким же методом овладеть двумя третями акционерного капитала известного громадного

¹⁾ Deutsche Wirtschafts- und Finanzpolitik (Записка «Reichsverband'a»).

²⁾ Dr. M. Sogemeier. D. öffentliche Hand in d. privaten Wirtschaft. Berlin 1927. и Veröffentlichungen d. Reichsverbandes d. deutschen Industrie. Heft 30. April 1926. «Staatssozialismus und Privatwirtschaft» von W. Jutzi и т. д. И «верхушечные организации» промышленности, торговли, банков, страховых предприятий и т. п. посвятили этому вопросу в ноябре 1926 г. целое объединенное заседание, протоколы которого опубликованы.

силезского предприятия «Наследники Гише» и этим обеспечить государству монопольное добывание и производство цинка, сорвалась только потому, что счастливым соперником выступили в данном случае американцы в лице Гарримана.

Прусское государство объединяет в акц. компанию крупные портовые сооружения в Эмдене, Дуисбурге, Штеттине. Оно систематически стремится усилить свое влияние на водный транспорт угля, приобретая большинство акций «Rhein und Seeschiffahrtsgesellschaft», «Strom. Kohlen-und Lagergesellschaft» и т. п.

Стремясь создать широкую базу для своей хозяйственной деятельности, прусское правительство в конце 1925 г. вносит в ландтаг (видоизмененный впоследствии) законопроект, предоставляющий ему в самой общей форме право составить себе путем кредита фонд в 150 миллионов на хозяйственные цели.

Примеру прусского государства следуют и другие союзные государства. Саксония создала себе для этой цели своеобразный центральный институт в виде т. н. «Эксисше Верке» (акц. комп.), объединяющих 18 акц. компаний самого разнообразного типа, как-то: электрических и газовых заводов, предприятий по торговле углем и строительными материалами, электротехнических заводов, и т. п. Рядом с «Эксисше Верке» другой центральный институт т. н. «Kraftverkehr-Freistaat Sachsen A. G.» объединяет 25 предприятий преимущественно по транспорту.

Но, без сомнения, дальше всех в этом направлении пошло общее союзное государство. Сохранение в своих руках крупного военного наследия и преобразование его согласно опыту и методам современной частнокапиталистической практики уже силою вещей толкало государство на дальнейшие приобретения и в общем и целом привело к громадной организационной и реорганизаторской работе. Образованный по классическому типу «Хольдинг-Компани» центральный объединительный институт «А. К. Объединенные Промышленные Предприятия» (т. н.—сокращенно—«Виаг») охватывает целые десятки крупнейших предприятий, разнородность которых не может не поражать. Сюда вошли при образовании «Виага» и колоссальные предприятия, «Deutsche Werke» и ряд электрических предприятий, заводов, вырабатывающих азот, бумажных фабрик, холодильников, алюминиевых заводов, рыболовных предприятий, ортопедических заводов, машиностроительных, автомобильных, химических и т. д., и т. п. Точно так же, как Пруссия пыталась закрепить за собой монопольное производство цинка, обеспечило себе союзное государство решающее влияние на производство алюминия. Оно производит и медь в Вестфалии, участвует и в иностранных предприятиях по производству боксита. Одно перечисление всех тех предприятий, которые полностью являются собственностью государства, и тех, в которых оно участвует, заняло бы целые страницы.

При этом отличительным признаком этой громадной предпринимательской деятельности государства является то, что эта деятельность финансируется государством самостоятельно, не только при помощи располагаемых государством общих ресурсов и таких крупных государственных банковских учреждений, как прусская «Seehandlung», но и специально созданных для этой цели кредитных институтов, как «Райхскредит Гезельшафт». Выйдя из лона статистического бюро казначейства, это учреждение постепенно превратилось в мощный банковский институт, все определеннее выступающий открытым соперником частных банков (портфель векселей «Райхскредитгезельшафт» к концу 1927 г. превысил 3 миллиарда марок. За этот же год Общество выплатило дивиденда свыше 3 млн. марок, т. е.

только немногим меньше половины выплаченной таким, напр., мощным институтом, как Дармштедтер унд Националь Банк).

Но, без сомнения, сферой максимального развития госкапитализма стало производство электрической энергии. Здесь идет буквально буйный расцвет непосредственной, активной и по своим формам даже нередко агрессивной хозяйственной деятельности органов государства и самоуправления. На последнем заседании общества Сименс-Хальске председатель наблюдательного комитета фон-Сименс заявил, что по последним исчислениям 75% всей электрической энергии, потребляемой в Германии, производится электростанциями, находящимися в руках государства, коммунальных объединений или смешанных предприятий. По другим данным из 2.669 немецких электрических предприятий с собственными силовыми установками 1.920 электростанций с мощностью в 3,5 млн. киловатт находились в 1926 г. в руках частных или смешанных предприятий, 779 электростанций с мощностью в 2,6 млн. киловатт находились в руках государственных органов¹⁾. Из этого во всяком случае видно, что государство и коммуны располагали как раз более мощными и современными станциями.

Подобного развития в количественном отношении мы не наблюдаем ни в одной другой крупной стране. В Соед. Штатах при всем их колоссальном развитии электрического хозяйства не более каких-нибудь 5% общей мощности всех электростанций выпадает на долю государственных и коммунальных предприятий. Но рост вмешательства государства, как регулирующего и планирующего фактора, наблюдается более или менее везде. Английский электрический билль 1926 г., предоставляющий государству широчайшие права и навлекший на его авторов обвинение в «социалистическом» уклоне, составил в этом отношении в Англии историческую грань. Вмешательство публичных органов в этой области достигло, без сомнения, высших пределов. Значение этого может быть оценено, если вспомнить, что как раз эта отрасль капиталистического хозяйства находится в периоде буйного расцвета: по данным, представленным организациями промышленников международной экономической конференции, производство изделий электротехнической индустрии по сравнению с довоенным периодом удвоилось, производство же электрического тока превысило в три и в четыре раза довоенные нормы²⁾.

В настоящий момент в Германии идет упорная борьба городов с рурско-вестфальской промышленностью, стремящейся концентрировать в своих руках производство и распределение газа во всей стране путем широчайшей системы дальней передачи.

Все это вместе взятое позволяет отдельным германским публицистам утверждать, что центр тяжести как раз современной эпохи и решающей отрасли хозяйства, а именно энергетического хозяйства постепенно передвигается в сторону публично-правовых органов³⁾.

Укажем, наконец, и на тот факт, что и тот поток иностранного капитала, который, как нилловый ил, восстанавливает плодотворность германского национального хозяйства, в значительной степени ответвляется в русло государственных и коммунальных органов и только через этот канал попадает на равнины «хозяйства». По недавнему утверждению президента Рейхсбанка Шахта из общей суммы 5½ миллиардов долгосрочных иностранных займов, только 2½ миллиарда выпадает полностью на долю частного хозяйства, остальные же 3 миллиарда—на долю публичных органов, в том

¹⁾ G. Dehne. D. deutsche Elektrizitätswirtschaft. 1926. Стр. 65.

²⁾ Industrie Electrotechnique. Стр. 21.

³⁾ G. Stolper. D. deutsche Wirtschaftsproblem. Стр. 22.

числе целых 1.300 млн. на долю отдельных союзных государств, коммун и коммунальных союзов¹⁾.

Мы здесь все время не отличали органов самоуправления от государства в строгом смысле этого слова: мы увидим ниже, что это существенное само по себе различие может иметь здесь для нас только относительное значение.

До сих пор мы имели дело с явлениями госкапитализма в самом прямом смысле. Но при всем их развитии в отдельных странах эти явления, без сомнения, уступают по своему значению регулирующим функциям современного государства, получившим более универсальное распространение.

в) Рост регулирующих функций государства. Источники государственного капитализма.

И в этой области непрямого, косвенного государственного капитализма, буквально, трудно было бы перечислить все сферы деятельности государства. И здесь развитие после окончания войны в общем и целом не получило обратного направления. И не могло его получить. Ибо и здесь мы имеем дело с более глубоким, неизбежным историческим процессом, связанным со всем существом, со всей природой послевоенного капитализма. Может быть в еще большей степени, чем в сфере явлений госкапитализма в узком смысле этого слова, мы имеем здесь дело с двумя основными фактами, толкающими развитие в указанном направлении.

Это, прежде всего, растущая неспособность частных хозяйственных сил, несмотря на все их развитие и концентрацию, справиться с безнадежно нагромодившимися трудностями и противоречиями развития—«собственными силами», т.е. без помощи прямого вмешательства государства. Это, нам объясняет, почему (мы к этому еще вернемся ниже) и само отношение руководящих чистокapиTaлиCTичеCких кругов к этому неудержимому процессу роста регулирующих функций государства столь внутренне противоречиво; почему эти круги, не устывая ругаться по поводу перероста этих функций государства, в то же время сами не перестают искать помощи себе во вмешательстве государства.

Это—один факт, факт несколько не преходящего характера, ибо он связан со всем хроническим кризисным состоянием капитализма нашей эпохи.

Второй факт, другого и в некотором смысле даже противоположного характера—это рост социально-классовых затруднений, на которые наталкивается послевоенный капитализм, и то многое, что в этой области осталось от наследия первой полуреволюционной послевоенной эпохи. С одной стороны, рабочие массы уже нельзя, несмотря на поражение революции, отбросить целиком в прежнее предвоенное состояние. От военного и первого революционного периода остались в организме капиталистического государства обломки и осколки разных завоеваний пролетариата. Остались и разные полубонапартистские легенды и мифы, вошедшие в официальную доктрину, в неписанную консти-

туцию капиталистического государства, легенды и мифы, согласно которым это государство «обязано» всем слоям населения при всех условиях обеспечивать некоторый сносный уровень жизни, некоторый жизненный минимум. Это «патерналистическое» учение свелось отчасти к прямому и грубому обману масс, но отчасти оно продолжает обременять капиталистическое государство, осложняя его движение. На практике же оно должно было найти свое выражение в целом ряде конкретных явлений, в частности, в разных формах обеспечения и поддержки безработных, но прежде всего в том самом общем факте, что послевоенному государству пришлось до некоторой степени заменить, дополнить частного предпринимателя для обеспечения рабочему классу не то, что более высокого, но даже и предвоенного—или не слишком отстающего от предвоенного уровня жизни. Жизненный уровень масс еле-еле держится на довоенном уровне (или отстает от него), даже консервативнейшие английские статистики (Баули, Стэмп) признают, что распределение национального дохода не изменилось в пользу неимущих классов, т.е. что классовые противоречия скорее углубились; но внутренняя структура пролетарского дохода изменилась за счет зарплаты в пользу всяких социальных поступлений, обеспечиваемых так или иначе государством,—обстоятельство немалого значения, к которому мы еще вернемся ниже.

Это—с одной стороны. С другой стороны, в критические моменты, когда почва горит под ногами, капиталистические слои сугубо довольны, что государство становится тем органом, который, пусть временно и поступаясь кое-чем за их счет, все же спасает основное, т.е. их существование и господствующую роль. И даже всякое сколько-нибудь крупное колебание, зигзаг политической и хозяйственной конъюнктуры меняет их отношение к этой стороне деятельности государства: они то скрываются за ширму «патриархального» государства, то бешено атакуют развитие этой «патриархальщины». И все это вместе взятое точно так же определяет собою неустойчивость, двойственность, внутреннюю противоречивость отношения капиталистических классов к росту регулирующих функций послевоенного государства (о чем нам придется еще говорить по существу).

Вот, грубо говоря, основные исторические источники роста этих форм госкапитализма в хозяйственной и социально-хозяйственной области.

Рефрен о переросте этих функций государства вошел, буквально, в железный фонд «стабилизационной» идеологии капитализма. Мы слышим этот рефрен каждый день во Франции, он раздавался особенно громко в 1926 г. в Англии в момент, когда вспыхнула великая борьба между горняками и угольными магнатами, требовавшими, чтобы государство, наконец, устранилось, оставляя борющиеся стороны одними на поле брани; этот рефрен повторяется во всяком публичном выступлении крупнокапиталистических кругов в Германии. В обратившем на себя всеобщее внимание последнем публичном отчете самого подвижного и современного из германских крупных банков—Дармштертер унд Националь Банк—мы читаем:

«Государство, как высшее авторитетное место, не должно бы покидать своего объективного поста, с высоты которого ему приходится наблюдать за всем ходом событий. Между тем оно все более и более стало вмешиваться в этот естественный процесс развития и вращающейся степени превращается в определяющий фактор нашей хозяйственной жизни. Оно фиксирует

¹⁾ D-r Schacht. Eigene oder geborgte Währung. Стр. 20.

высоту квартирной платы, руководит строительством домов, диктует цены на уголь, железо, калий, ведет само предприятия огромнейшего масштаба, расширяет в возрастающей степени свою деятельность на банковое и кредитное дело, взимает налоги не только с дохода, но и с самой субстанции и с некоего центрального места определяет диктаторски заработную плату и продолжительность рабочего дня».

Но и здесь благоразумно не перечислены все те категории возросшего государственного вмешательства, которые при всех колебаниях послевоенной хозяйственной и политической конъюнктуры желательны крупному капиталу: в широчайшей сфере всякого протекционизма, всех видов прямой и косвенной поддержки, оказываемой государством промышленности и сельскому хозяйству. Между тем никогда еще попечительная деятельность государства в этой именно области не доходила в современную эпоху до таких размеров.

В частности, сельское хозяйство в таких странах, как Германия, отчасти и Франция, Англия, Соед. Штаты, буквально забрасывает государство — и как мы знаем, отнюдь не без успеха! — требованиями всякой непосредственной поддержки в виде круто повышаемых охранительных ставок, политики «держания цен», организации органов, контингиентирующих производство, попечительных кредитов, прямых субвенций и т. п.

При чем характерная вещь: эти домогания капиталистического сельского хозяйства в ряде стран (прежде всего во Франции и Германии) активно поддерживаются не только крупной индустрией, но на этот раз даже и банками — в значительной степени по чисто социальным мотивам реакционного характера ¹⁾.

И если, скажем, германские промышленники в конце 1925 г., когда британское правительство решило субвенционировать из государственных средств угольную промышленность, подняли столь «принципиальный» крик против всякой политики субвенций, как противоречащей «естественной игре международных хозяйственных сил», то эти вопли не могли заглушить того факта, что волею истории как раз Германия стала классической страной субвенционированного капитализма. Если уж и не упоминать о таких ярких случаях, как неожиданно всплывший наружу факт выплаты рурским магнатам почти миллиардной субвенции «теплой рукой» вне парламентского контроля, в возмещение убытков по оккупации, то и вся практика версальского договора и репараций по прежним схемам и по дауэсовской схеме, вся практика возмещения убытков, платежей по поставкам натурой и т. п. привела в колоссальном масштабе к совершению необычных форм близости между ресурсами государства и частнокапиталистическим государством. На трудно контролируемых возмещениях со стороны государства выросли целые мощные отрасли промышленности, как напр., океанские пароходные предприятия (Гамбург—Америка и т. п.) ²⁾. И к чему свелась вся политика инфля-

¹⁾ Тот самый г. Якоб Гольдшмидт в упомянутом годовом отчете «Д. унд Н. Банка» распинается за интересы «сельского хозяйства», как «равноценного (?) фактора нашего (т.-е. германского) хозяйственного развития».

²⁾ Практика многомиллиардных возмещений во Франции, позволивших отстроить разрушенные департаменты и обеспечивших французской промышленности на целые годы совершенно фантастические монопольные возможности, как известно, несмотря на все попытки легонько приподнять завесу, осталась окутанной густым покровом спасательной тайны!

ции, если не к одной сплошной колоссальной субвенции, выплаченной при посредстве государства крупной и крупнейшей индустрии за счет промежуточных слоев и пролетариата? Государство максимально субвенционировало промышленность, как раз в тот период, когда оно само было максимально «бездолено и финансово бессильно»: государство превратилось в тот момент в руках верхушечных слоев промышленного капитала в крупнейшее орудие перемещения национального богатства. Именно при помощи государства была спасена (и даже значительно расширена) вся промышленно-капиталистическая арматура страны за счет неимущих и средних классов.

г) Роль денежной политики государства и эмиссионных банков.

Но инфляция была только преходящим периодом. С прекращением инфляции колоссальная роль денежно-кредитной политики государства не закончилась. Она только вошла в новую фазу. Можно без преувеличения сказать, что ни в какой другой области современного капиталистического государства не приобрело столь несравненного влияния на весь ход хозяйственной жизни, на кривую цен, на все развитие хозяйственной конъюнктуры и—прямо и косвенно—на весь жизненный уровень масс, на степень развития или регресса безработицы и, стало быть, в некоторой мере и на степень напряжения непосредственных классовых антагонизмов,—как именно сквозь механизмы ресурсы своей денежно-кредитной политики. С современным влиянием государства в этой области буквально не может идти в сравнение ничто знакомое нам по довоенной эпохе капитализма. Мировое (прежде всего европейское) оскудение капиталами, соответствующе возросший спрос на кредит, неслыханно выросшая неравномерность в распределении капитала между отдельными странами, концентрация золота в руках государства,—все это должно было обеспечить беспрецедентную силу и влияние органам денежно-кредитной политики современных капиталистических правительств. Влияние этой политики и проводящих ее органов стало и всеобъемлющим (по радиусу своего действия) и вместе с тем сплошь и рядом более утонченным, менее заметным, даже просто—конспиративным.

В общем же факты в этой области слишком общеизвестны, чтобы на них приходилось подробнее останавливаться. Достаточно вспомнить политику возвращения к золотому стандарту в Англии, политику регулирования мировых цен директорами Федераль Резерв Борд, действующими под непосредственным контролем правительственных мест, чтобы представить себе все безмерие этого влияния, о котором в этом масштабе прежним банальным мастерам искусства повышения и понижения учетной нормы и во сне не снилось. Заметно и незаметно государство через свои прямые и косвенные органы влияет на развитие цен, определяет темп биржевой спекуляции, рационализирует кредит, то закрывает, то открывает широко доступ иностранному кредиту в страну, то поощряет кредит органов самоуправления (и стало быть их хозяйственную деятельность), то простирает над ними свою карательную руку, то незаметно повышает, то сбивает реальную заработную плату и т. п.

Этим мы, конечно, не желаем сказать, что государство руководится при этом только своими собственными импульсами. Наоборот, все зигзаги этой политики являются только отражением не всегда прозрачных законов современной капиталистической стихии с ее дикими внутренними противоречиями. И точно так же ни в какой другой области рентнерско-финан-

совый капитал не проводил и не проводит столь непосредственно своей политики, как именно через посредство денежно-кредитной политики государства и его органов. Здесь гегемония международного финансового капитала находит свое главное орудие и свое самое яркое выражение. Эпоха инфляции эту гегемонию временно заслонила и затмила. Денежно-кредитная политика государства в период дефляции ее торжественно реабилитировала и восстановила. Это верно, прежде всего, по отношению к основным странам вывоза капитала—Англии и Соед. Штатам Сев. Америки. Здесь теснее всего произошло сращение между государственной машиной и—как их называют в Соед. Штатах—«Международными банкирами». Превалированию интересов финансового капитала не смогли помешать протесты промышленников против слишком крутых методов дефляции (в Англии), ни против слишком грубых приемов рационирования и дороговизны кредита (Германия), ни против жертвования некоторыми местными интересами в пользу более высоких, международных интересов финансового капитала (Соед. Штаты).

Здесь к месту будет упомянуть о необычайно возросшей роли центральных эмиссионных банков, являющихся тем стыком, где непосредственное всего происходит «смычка» между государством и частным банковским капиталом. «Самостоятельность» эмиссионных банков там, где она (как в Англии, или в Германии с 1924 г.) признана, является юридической фикцией; в той же мере, в какой она фикцией не является, эта «самостоятельность» обозначает усиление влияния частного финансового капитала на всю политику банка. Навязанная Германии вместе с дауэсовским планом «независимость» Райхсбанка от государства обозначает вдобавок усиление его зависимости от международного финансового капитала и от других государств, сверх германского. Ни в одной же из современных крупных стран центральный эмиссионный банк не спаян так непосредственно с государством, с одной стороны, и со всей системой крупнейших частных банков, с другой, как в метрополии современного финансового капитала—в Соед. Штатах (где, как известно, и формально министр казначейства является ex officio членом правления банка, и где т. н. «губернатор» банка назначается президентом).

Между тем, как раз роль этих высших органов «смычки» между финансовым капиталом и «демократическим» государством замечательно выросла в новейшую фазу послевоенной эпохи.

Они являются основными проводниками получившей столь огромное значение денежной политики. Когда нужно, они почти открыто шантажируют кратковременные «левые» правительства (как это было с правительством Эррио весной 1925 г.) и т. п.

Руководители основных эмиссионных банков организуются в последнее время в своеобразную международную корпорацию, в банковский триумvirат или кваттуорvirат, конференции которого окружены гораздо меньшим шумом, чем конференции иностранных министров, но на верное имеют не меньшее значение. Восседающая на ящиках с золотом Федерального банка, г. Стронг, в сотрудничестве с своими младшими сотоварищами (и прежде всего с своим британским коллегой) или без таковых, «регулирует» международное движение золота, международное развитие учетной нормы, долгосрочного и краткосрочного кредита, повышает и сбивает уровень мировых цен, или «стабилизирует» их, определяет «дождь и погоду» международной хозяйственной конъюнктуры. Хотя власть его в этом отношении, конечно,

не вполне «абсолютная»¹⁾ (капитализм, к несчастью для этих господ, не знает ничего абсолютного), все же подобных степеней власти и влияния еще не знала история капитализма. В только-что вышедшей книге о центральных банках, снабженной напутствием «губернатора» британского банка Монтегю Нормана (и уже заключающей целую главу о «Кооперации центральных банков»), мы можем прочесть на этот счет следующие красочные строки:

«Т. н. автоматический характер золотого стандарта, был всегда и в довоенный период подвержен существенным оговоркам. Но со времени его всеобщего восстановления после происшедшего после войны краха валют, золотой стандарт стал окончательно «манипулированным» стандартом в руках руководящих центральных банков. Та доля участия, которая может быть приобретена этими банками путем их здоровой политики и всемирного их сотрудничества в деле создания и сохранения стабильных условий для промышленности и для труда—громадна. Эта власть стоит на втором месте разве только по сравнению с властью правительств в широчайшем смысле этого слова, властью, которая сообразно с принимаемым ею направлением действует на благо или во вред целых обществ»²⁾.

Таким образом, гг. «президенты» и «губернаторы» эмиссионных банков являлись бы (согласно авторам упомянутого труда) чем-то в роде параллельных правительств, и г. Стронг, «возглавляющий» эту весьма немногочисленную компанию, по сути, являлся бы и сам по себе чем-то в роде даже международного «правительства»: не обозначал ли бы этот факт некоторого нововведения в реальной, неписанной конституции современной «демократии»?

д) Государство и рента. „Сращение“ с депозитными банками.

В общей системе явлений, о которых шла выше речь, обратим внимание на одно частное немаловажное явление, которое одно время несколько исчезало от нас за туманом инфляции. Это—возросшая близость между современным капиталистическим государством и рентой. Основной факт в этой области тот, что за время войны и первые годы после войны существенно видоизменилась, так сказать, внутренняя структура ренты. Все основные воюющие европейские страны были вынуждены освободиться от крупнейших частей своего рентнерского богатства, основанного на долготлетнем вывозе капитала, т. е. от ренты, обеспеченной доходом от других стран³⁾, и в то же время в еще большей степени вырастали всякие формы ренты, основанные на внутренней задолженности, т. е. ренты, обеспечивае-

¹⁾ Когда в 1926 г. некий другой г. Стронг, член Палаты, вздумал было предложить билль, возлагающий на Федеральный Банк формальную обязанность обеспечения стабильности цен, то Гвернору Стронгу пришлось объяснить своему уже совсем увлеченному тезке, что его предложение повело бы, будь оно осуществлено, к недоразумениям, поскольку возможность федеральной системы влиять на цены все же «не абсолютна, но подвержена некоторым существенным ограничениям»...

²⁾ С. К. Kisch and W. A. Elkin. «Central Banks». London. 1928. Стр. 153.

³⁾ Согласно разным вычислениям Англия потеряла целую четвертую часть—около 5 миллиардов долларов—своих заграничных помещений. Еще несравненно сильнее пострадала Франция, одни русские, турецкие и болгарские долги которой составляли немногим меньше половины всей суммы ее внешних помещений, исчислявшейся в 1914 г. цифрой приблизительно в 8 миллиардов долларов.

мой государством. Революция в России и Турции нанесла дальнейшие удары старым формам «заграничной» ренты. В результате, в небывалых до сих пор степенях рента приобрела форму государственных обязательств. Карман подательщиков стал основным источником ренты, и государство—основным насосом, выкачивающим ренту из этого источника. Пример Франции в этом отношении самый яркий. Но и в Англии произошли крупные и прочные изменения. Боули и Стэмп высчитывают, что доход, получаемый Англией из-за границы представляет в настоящий момент около 5% всего национального дохода страны, тогда как до войны эта доля составляла около 9 или 10% ¹⁾, т.-е., другими словами, значение этой категории дохода уменьшилось приблизительно вдвое. В это самое время внутренняя задолженность, т.-е. государственная рента, выросла, как ни в какой другой стране, поглощая свыше одной трети (около 38%) всего национального бюджета и представляя выше 7% (по вычислениям тех же статистиков, как и Комитета Кольвина) всего национального дохода.

Иначе говоря, из года в год государство перекачивает из кармана подательщиков в карман обладателей ренты свыше 7% всего дохода страны, для чего использует почти 40% всех государственных поступлений!

Пользуясь цифрами Боули и Стэмпа, изменившееся внутреннее соотношение различных частей ренты можно бы представить следующим образом: в 1911 г. общая доля всякого типа «unearned income» представляла 24½% всего национального дохода страны, в этой сумме около 9 или 10% составляла доля дохода из-за границы, а остальное, т.-е. 14 или 15½%, доход, черпаемый из самой страны; в 1924 г. эта же общая доля исчислялась в общем уменьшенной цифрой 22%, но в этой общей цифре доля, так сказать, «заграничной» ренты представлена только 5%, тогда как доля «внутренней» ренты—17%. 10 и 14½%, 5 и 17% — изменения в соотношении, во внутренней структуре ренты громадные (объясняемые в немалой части и параллельно шедшим относительно высоким ростом вложений в местную, т.-е. национальную промышленность)!

Из этого ясно, какую роль играет современное государство для рентнерского богатства, насколько оно «срощено» с государством. Всякие колебания денежной политики государства отражаются непосредственным образом и в первую голову именно на ренте. Это дало государству громадную силу в руки, дало ему возможность определенно и систематически поддерживать и укреплять реакционные настроения и реакционные элементы в стране. Эпоха дефляции была эпохой реванша ренты в экономической и в политической области и совпала с периодом повсеместного торжества реакции. В своей политике ревалоризации Муссолини и Пуанкаре, без сомнения, больше считались с интересами ренты, чем это было желательно промышленности. В Англии же вся сплошь денежная политика с самого момента установления Комитета Кенлайфа была прежде всего политикой рентнерско-банковских интересов, с которой трудно мириться промышленности в ее борьбе за сохранение высоких цен и за сокращение издержек. «Вторая трудность (хозяйственной проблемы Англии),—писал в 1922 г. Стэмп,—состоит в том, что страна видит, как ее зафиксированное бремя по оплате процентов и погашению долга становится все большей долей всего ее дохода и ресурсов» ²⁾. Согласно докладу, меньшинства комитета

¹⁾ The National Income. 1924. Oxford. 1927. Стр. 52.

²⁾ Wealth and Taxable Capacity. 1922. Стр. 174. Почему автору (крупнейшему железнодорожному и финансовому деятелю) представлялось и «недиковинным», что в настоящее время имеются растущие круги общественного мнения, считающие, что дефляция является плохой политикой» (стр. 175).

Кольвина, целых две трети послевоенного долга были заключены, когда ценность фунта была ниже, чем впоследствии, когда по этим долгам пришлось государству расплачиваться. Но этому дальнейшему росту ренты, обеспечиваемой государством, как прямому результату дефляции не смело оказать сопротивления, несмотря на тайное и скрытое сопротивление промышленности, ни одно британское правительство. Тут от Сноудена до Черчилля все были единодушны: рента должна была оставаться доминирующим началом британской финансовой политики ¹⁾. Рента и государство «срастались» в степенях, каких не знала довоенная эпоха.

По этой же линии должно было прогрессировать «срастание» между современным государством и депозитными банками, как основными носителями ренты и ближайшими проводниками заемно-кредитной политики государства. В эпоху войны и первые послевоенные годы, когда политика крупных займов еще продолжала процветать, эти банки стали просто подсобными органами государства. Сотрудничество государства с этими банками достигло тогда высших пределов. Колоссальные количества государственных бумаг должны были при этом так или иначе застревать в портфелях банков, обостряя в них интерес к сохранению максимальной ценности за этими бумагами и побуждая их в соответствующем направлении нажимать на государство. Вот для пояснения поучительнейшая цифра: Лейтон (редактор «Экономиста») показал перед комитетом Кольвина, что, по его подсчетам, из общей суммы государственных бумаг свыше 10%, именно 820 млн. фунтов находится в портфелях банков вместе с Банком оф. Ингленд (не считая сберегательных банков! Совместно с последними—1.275 млн.) ²⁾. Громадность этой цифры станет ясной, если вспомнить, что вся сумма предвоенной задолженности Англии составляла меньшую цифру—656 млн. фунтов,—чем та, которая ныне числится в активе банков! Этот факт достаточно красноречиво говорит о заинтересованности банков в ренте и о их неизбежной близости, «сращении» с государством ³⁾.

¹⁾ Вопрос о значении ренты в британской экономической политике был в свое время очень интересно разработан тов. Варгой в статье, посвященной забастовке 1926 г.

²⁾ Report of the Committee on National Debt and Taxation. Стр. 360.

³⁾ К другим явлениям перерождения современного капиталистического государства—и прежде всего роста его влияния на весь жизненный уровень пролетарских масс (с чем неразрывно связано развитие современного реформизма)—мы вернемся в другой статье, и тогда уже перейдем к вопросу о том, что в этой связи произошло с буржуазно-демократической оболочкой этого перерождающегося капиталистического государства.